

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.86-99

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ИМПЕРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

О.В. Воробьева^{1,2}, Ф.В. Николаи^{2,3}

¹*Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия*

²*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125047, Россия*

³*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, 603002, Россия*

Аннотация

В статье дан компаративный анализ представлений о социокультурных угрозах в официальных государственных документах имперского, советского и постсоветского периодов истории России. Рассмотрена специфика риторического конструирования угроз как части дискурса безопасности. Доказано, что концепт «угроза» структурируется соответствующим фреймом и включает в себя фигуры носителя угрозы (агенса), объекта угрозы (пациенса) и определенное видение стратегии противодействия угрозе (контрагенса). Сделан вывод о цикличности чередования внутренних и внешних угроз в общественно-политической мысли. Устойчивым трендом советского и постсоветского периода становится приоритет внутри- и внешне-государственных угроз над личностными, признание государства ключевым историческим агенсом. Чаще всего на протяжении всех трех периодов встречается угроза национальной безопасности и территориальной целостности; за ней следует и с ней тесно связана угроза отставания от Запада (вызов развития); третье место занимает угроза социального и культурного раскола. Отличия риторики в рамках каждого периода вызваны изменениями макрополитической ситуации, однако общая преемственность структуры репрезентации угроз, единство тезауруса и приоритет государства как политического актора сохраняются с минимальными изменениями.

Ключевые слова: социокультурные угрозы, общественно-политическая мысль, дискурс безопасности, стратегии мобилизации общественного мнения, публичная сфера

В последние десятилетия в официальных документах, публицистике и профессиональных исследованиях в области истории, социологии и политологии (как отечественных, так и зарубежных) все чаще встречается понятие «социокультурных угроз», под которым выступают угрозы личности, обществу, культуре, фиксирующие «потенциальное нарушение нормативного порядка в сфере социальных связей, ценностных структур, публичных и частных отношений, рассматриваемое индивидом или группой как опасность, которая ставит под вопрос воспроизводство того или иного общественно-культурного уклада» [1]. В значительной мере такому широкому распространению проблематики социокультурных угроз

способствует презентистский характер современности, проявляющийся в подчинении прошлого и будущего прагматике настоящего [2; 3], а также алармистское мироощущение, формирующееся в условиях глобализации, цифровизации и прочих факторов неопределенности и чрезвычайной подвижности современного мира [4].

В этой ситуации интерес представляет компаративный анализ этих угроз в исторической динамике – в имперской, советской и постсоветской России, ибо социокультурные угрозы могут иметь разное значение в разных историко-культурных контекстах. Так, понятие национализма в конце XIX в. и через сто лет явно имело разные коннотативные оттенки. Другими словами, присутствует определенный семантический сдвиг, а иногда даже разрыв между реальными угрозами прошлого и тем современным языком, на котором эти угрозы описываются. Поэтому диахронический анализ наряду с синхроническим призван решить сразу две задачи: выявить в исторической динамике наиболее существенные угрозы и проанализировать изменение их восприятия. Такой анализ значим и сам по себе, и для понимания более длительных векторов трансформаций социокультурных рисков, вызовов и угроз в период с конца XIX по начало XXI в., и кроме того диахронических изменений языка описания самих рисков и угроз, а также стратегий их преодоления. Он кажется актуальным и в контексте изучения последующих трансформаций государственного строя, и как основа формирования в языке инструментов описания конституционализма и парламентаризма, фиксация ключевых характеристик которого в условиях современных «смысловых войн» в СМИ имеет особую значимость.

Концептуальной основой подобного анализа стал концепт «угроза», структурируемый соответствующим фреймом и включающий в себя трех основных «участников»: агенса, пациенса и контрагенса [5]. Агенсами, или источниками угроз, могут быть отдельные люди, общественные институты, природа. Пациенсы – это те, на кого направлена угроза. Что касается контрагенов, то они могут быть не всегда, но если они все-таки присутствуют, то могут быть представлены и отдельным человеком, и группой людей. Довольно часто эта триада представлена в дискурсе в виде организующего концепта (метафоры): толпа, террористы, бюрократия (для агensoв) и народ, общественность, мыслящие люди (для контрагensoв). Некоторые обозначения могут менять свои коннотации в зависимости от контекста – «интеллигенция», «западные страны», «верховная власть» могут выступать как пособниками в борьбе с угрозой, так и непосредственными агентами, проводящими угрозу в жизнь. Каждая компонента выстраивается с учетом характеристик двух оставшихся, что обусловлено в том числе прецедентным характером описания.

Основными источниками при анализе официальных документов имперской России стали государственные документы рубежа XIX – XX вв., в том числе манифесты, указы, законы, выступления видных государственных деятелей имперской России. При анализе советского времени – резолюции ЦК и доклады генеральных секретарей на съездах КПСС 1956–1991 гг., в совокупности показывающие изменения общего взгляда на международные отношения, задачи партийного строительства, внутреннюю политику в СССР и восприятия разного рода угроз. При анализе периода современной России – «Стратегии национальной

безопасности» 1997, 2009, 2016 гг., «Концепции внешней политики» 2000, 2008 и 2016 гг., «Основы культурной политики» 2014 и 2016 гг., «Доктрины информационной безопасности» 2000 и 2016 гг., «Военные доктрины Российской Федерации» 1993, 2000 и 2010 гг. и ряд других официальных документов этого периода.

Социокультурные угрозы в официальных документах имперского периода

Сравнивая политический язык официальных документов имперского, советского и постсоветского периодов, прежде всего следует отметить «минимализм» и предельную функциональность первого из них. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., Манифест о роспуске II Государственной думы, «Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы» от 23 апреля 1906 г., Манифест от 20 июля (1 августа) 1914 г., Манифест об отречении Николая II от престола и другие документы рубежа XIX – XX вв. определяют лишь общие рамки работы государственных институтов. Уточнение деталей, соотнесение текущих задач с прошлым или будущим развитием общества, вопросы социально-культурной сферы выходят за их рамки и регламентируются на уровне административных практик более низкого уровня, не связанного с верховной властью. Подобный функционализм вызван, во-первых, спецификой монархической системы, не склонной умалять величие государя и его решений отсылкой к интересам общества и его культурным представлениям, – речь идет о принципиально иной стратегии легитимации и телеологии политических действий. В этой модели только государь может выступать инициатором действий (актором), а общество, разные социальные группы и отдельные граждане оказываются объектом его заботы даже не сами по себе, но в составе «державы нашей». Во-вторых, юризм государственной историографической школы и консервативное течение общественной мысли во многом поддерживали эти установки, помещая в центр исторического развития именно государство (персонифицированное фигурой суверена) и отодвигая вопросы экономики и культуры на задний план.

В результате основополагающей угрозой в официальных документах рубежа XIX – XX вв. остаются «социальные потрясения», в XVIII – XIX вв. понимавшиеся как заговор, а теперь – более широко и расплывчато – как «увеличение смуты и разложение государства» (Высочайший Манифест), «угроза целостности и единству державы нашей» (Манифест, 1905). Если в XIX в. агенсом данной угрозы выступают «заговорщики» и «радикалы», то в условиях социокультурного кризиса рубежа веков фигура такого агенса все более размывается. Чаще всего в официальных документах источник угрозы не называется напрямую: речь идет об абстрактной возможности, с которой можно идентифицировать все более широкие (постепенно радикализирующиеся) социальные круги. При этом минимальная пролиферация метафор вела к непониманию гетерогенности причин усиливающегося социального недовольства. Угрозы индивиду или обществу игнорируются в рамках этой риторики. Единственной стратегией преодоления угроз безопасности государства провозглашается консолидация всех слоев общества

вокруг государя как носителя верховной власти. Ригидность политического языка не способствовала преодолению политического кризиса. Поэтому отречение Николая II от престола сделало невозможным сохранение монархии, преемственности с прежней государственной системой и ее политическим языком.

С другой стороны, в леволиберальной общественной мысли с середины XIX в. набирала силу стратегия, объединяющая умеренных «западников» и сторонников революционных преобразований. Она предполагала противопоставление интересов общества и государственной власти. Основная угроза, с этой точки зрения, исходит от самодержавия, тормозящего социокультурное развитие страны: «Политика демократического цезаризма даже при видимом успехе ведет к упадку, а не к возвышению общественного духа» (Чичерин, 1906). Функционализм политического управления оказывается здесь производным от идеи справедливости и прогрессистского образа будущего, ради которого необходимы реформы или радикальные социальные преобразования в настоящем.

Этот конфликт необходимо рассматривать не только как социальный/политический, но и как конфликт языков, в рамках которых репрезентация угроз становится маркером соотношения будущего и настоящего. Общей проблемой, до сих пор не осознанной носителями этих языков и участниками полемики, стало исходное противопоставление интересов государственной власти и общества, связанное с целым набором сохранившихся до настоящего времени оппозиций: радикалов и консерваторов, прагматизма и идеализма и т. д. Даже политическая и культурная сфера часто противопоставляются (например, в дискуссиях о политике памяти). Полюса этих оппозиций продолжают борьбу за доминирование и, подобно маятнику, поочередно получают преобладание на протяжении XX в., сама оппозиция до сих пор сохраняет свою значимость.

Социокультурные угрозы в докладах советских лидеров 50–80-х годов XX в.: трансформация языка описания

Главным трендом советского поствоенного периода представляется постепенный распад идеи построения коммунистического общества – универсального светлого будущего, которое исключало какие-либо угрозы и риски. С другой стороны, отсылки к революционному прошлому (которые сохраняли свою значимость до начала 90-х годов XX в.) и признание социалистического характера советского общества способствовали преуменьшению проблем и сложностей, которые выглядели ситуативными и незначительными на общем фоне решаемых задач. Плановая экономика предполагала стабильность и поступательный рост, что также делало проблемы и недостатки минимальными. Кроме того, даже в отношении империалистических стран экономический кризис и сопутствующие социальные противоречия воспринимались диалектически – как способствующие ослаблению позиций буржуазии и одновременно усиливающие революционную активность народных масс.

На этом общем фоне представления о существующих угрозах, разумеется, претерпевали некоторые изменения. В документах 50–60-х годов XX в. вместо «врагов народа» и «агентов иностранных разведок» – угрозы, преобладающей в политическом воображении 30-х – начала 50-х годов XX в., – гораздо чаще фигурирует угроза новой мировой войны, рост милитаризма в США и других

западных странах: «Нельзя исключать возможность развязывания империалистами новой войны. Империалистические маньяки могут броситься на авантюры, чтобы остановить ход истории» (Хрущев, 1961). Соответственно, основная стратегия преодоления такой угрозы – укрепление обороноспособности и подготовка к активным военным действиям, которые должны завершиться победой социалистических стран: «Агрессорам противостоит теперь такая могучая, несокрушимая сила, что если они пойдут на развязывание войны, то ничего другого не получат, кроме своей гибели» (Брежнев, 1971). Сфера внешней политики и дипломатии относится к «надстройке», менее важной по сравнению с «базисом» – производственными отношениями, развитие которых имеет приоритет в экономической и геополитической конкуренции с капиталистическими странами: «Гибель империализма и торжество социализма во всемирном масштабе неизбежны. <...> Наконец, только на путях построения материально-технической базы коммунизма можно выиграть экономическое соревнование с капитализмом, всегда поддерживать оборону страны на уровне, позволяющем сокрушить любого агрессора, который осмелится поднять руку на СССР, на весь социалистический мир» (Хрущев, 1961).

В 70-х – начале 80-х годов XX в. угрозу представляет уже не прямая война с Западом, но агрессивные действия империалистов в «развивающихся странах»: «Трудно говорить спокойно о бесчинствах, которые творят вооруженные до зубов интервенты. Сотни тысяч тонн напалма буквально выжгли целые районы Южного Вьетнама. Почти полтора миллиона вьетнамцев получили отравления, многие погибли в результате применения химического оружия. Совесть любого честного человека, тем более совесть коммуниста, никогда не примирится с тем, что творят американские интервенты и их подручные, именующие себя представителями “западной цивилизации” и так называемого “свободного мира”. Позор им!» (Брежнев, 1971). Речь идет скорее о вызовах, чем об угрозах или прямом ущербе интересам и безопасности СССР.

С середины 80-х годов XX в. внешние угрозы теряют свою прежнюю роль: «Новое политическое мышление помогло нам по-иному увидеть и реалистически оценить окружающий мир, освободило от конфронтационного подхода во внешней политике» (Горбачев, 1989). В докладах М.С. Горбачева сближение с Западом выступает заслугой советского лидера, а угрозы «переключаются» на проблемы внутренней политики – сопротивление партаппарата, растущий экономический кризис и обострение межнациональных конфликтов в СССР. Именно в этом контексте в выступлениях М.С. Горбачева появляется понятие цивилизации, объединяющее социалистические и капиталистические страны, которые оказываются перед лицом общих глобальных вызовов: «Рождается новая цивилизация. Рождается, чтобы погибнуть, не справившись с громадностью глобальных угроз, либо выработать качественно иные правила общежития, совершенно новую мировую политику» (Горбачев, 1989).

На этом фоне историческая политика и риторика социокультурных угроз оказываются востребованными для легитимации своих достижений и критики позиций политических оппонентов: «Вообще, товарищи, мы за полное восстановление исторической правды. Нельзя переписывать историю в угоду субъективным представлениям и политическим расчетам, подчиняясь страстям и амбициям

сегодняшнего дня. Ход событий не повернуть вспять. Идти вперед можно, лишь опираясь на историческую правду и реальности современного мира» (Горбачев, 1989). Безусловно, история и до этого использовалась советскими лидерами как арена политической борьбы: верность идеям революции и успехи во Второй мировой становились маркерами легитимности власти. А критика оппонентов, например, после разоблачения культа личности, предполагала перенос на них всей ответственности за возникавшие проблемы (в частности, за репрессии), тогда как заслуги действующих лидеров (самого Н.С. Хрущева и других членов ЦК) подчеркивались и преувеличивались. В докладах Л.И. Брежнева итоги Второй мировой войны и «надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны» (Брежнев, 1971) также были неразрывно связаны с политической полемикой в ФРГ и ГДР.

В результате перестройка не просто «обвинила» противников М.С. Горбачева в «попытках исказить прошлое, которые служат нагнетанию националистических страстей» (Горбачев, 1989), но изменила социокультурные рамки соотношения прошлого, настоящего и будущего. Именно новая неустойчивая темпоральность и активировала социокультурные угрозы, впервые четко отличимые от рисков и вызовов. Исчезновение коммунизма в будущем и переоценка революции в прошлом привели к переосмыслению всей символической политики – спровоцировали ситуацию неопределенности, нехватку общих (признаваемых обществом в целом) смыслов, фиксируемую термином «постсоветское». При этом отсутствие внятных целей в области социально-политического строительства заставляло руководство СССР (а потом, в 90-е годы XX в., и России) действовать «реактивно» – отвечать на сложившуюся ситуацию, пытаясь свести к минимуму негативные тренды, а не разрабатывать какую-то новую концепцию будущего. История при этом становилась важнейшим политическим ресурсом по причине нехватки других символических средств для отстаивания своей легитимности и преодоления политических разногласий.

Одновременно меняются ключевые политические акторы или агенты угроз. В документах 50–60-х годов XX в. главной движущей силой социально-политического развития выступала коммунистическая партия – «авангард международного рабочего движения», ведущая советский народ к коммунизму (Брежнев, 1971). В 70-е годы, кроме партии (по-прежнему играющей ключевую роль), советского народа и пролетариата, в документах ЦК чаще подчеркивается значение разных социально-политических организаций и сил: комсомола, трудовых коллективов, Советов, вооруженных сил, молодежи, «наших ученых», «работников советской литературы и искусства» (Брежнев, 1971). После 1985 г. среди них ключевую роль начинает играть интеллигенция, а в качестве союзника в урегулировании конфликтов (особенно национальных) впервые выступает церковь; чаще декларируется забота о правах и интересах граждан. При этом вместо *народа* все чаще упоминается *общество* – активная часть населения, объединенная не территориальными границами или социальными интересами, но неким набором идей и культурных ценностей.

Если в 50–60-е годы XX в. агентами угроз выступали империалисты, в 70-е – «реакционная буржуазия» (что предполагало существование и буржуазии «не-реакционной»), с которой можно вести переговоры о мирном сосуществовании),

то в документах ЦК эпохи перестройки противниками реформ позиционировались, с одной стороны, консерваторы, сторонники административно-командной системы, а с другой – радикалы, экстремисты и националисты. Такая пролиферация агентов, победа над которыми в будущем вдруг оказалась совершенно не очевидной, также способствовала пониманию угроз как невозможности проводить устойчивую политику, ориентированную на определенный образ будущего. Таким образом, политические проблемы 80-х годов XX в. не только напрямую вели к росту разногласий по целому ряду вопросов и меняли язык описания внутривнутриполитических, экономических и культурных проблем, но и формировали ощущение неопределенности, когда сами социокультурные рамки становятся пространством борьбы и конкуренции в символической политике. Важнейшей ареной борьбы и формирования новой публичной сферы стала история. Настоящее и будущее воспринимались как все более неопределенные символические поля, которые не могут рассматриваться как устойчивый символический ресурс. И эта неопределенность также усиливала ощущение угроз, отражение которых понималось как необходимость предвосхитить опасное будущее, спланировать стратегию выживания в условиях растущей политической неопределенности и экономической конкуренции.

Таким образом, неолиберализм 90-х годов XX в. проявился в России с удвоенной силой: кроме изменения экономической конъюнктуры, он привел к радикальной ревизии социокультурных рамок и ощущения человека в социокультурной среде. Изменились не только отдельные векторы символической политики – например, революция стала восприниматься как угроза, а террор стал предполагать иного актора (ср., например: «Будучи не в силах победить коммунистов в идейно-политической борьбе, буржуазная реакция становится на путь террора против коммунистических партий, на путь физической расправы с верными сынами рабочего класса, трудового народа. Вся наша партия, весь наш народ с глубоким возмущением осуждают антикоммунистический террор в Индонезии – “террор реакции”» (Брежнев, 1966)). Радикально поменялись агенты символической политики: место партии и советского народа заняли национальные государства. При этом не просто идеологическая риторика борьбы с империализмом сменяется геополитикой, но происходит качественный переход от состояния устойчивости к неустойчивости.

Социокультурные угрозы в российских официальных документах 90-х годов XX в. – 2000-х годов

Изменения, произошедшие в постсоветской России, важны не только сами по себе, но и в контексте сравнения с медиадискурсом и трансформациями исторического описания, а также в диахронической перспективе – в сравнении с позднесоветской риторикой. Все документы этого периода декларируют устойчивость приоритетов внутренней и внешней политики России. Трансформация политического языка фиксирует изменения оттенков понимания этих приоритетов и национальных интересов в зависимости от изменения международной и внутривнутриполитической ситуации. Ключевым вектором этих изменений представляется перенос внимания с внутренних угроз на внешние: с экономических проблем и борьбы с преступностью в 90-е годы XX в. – начале 2000-х годов – на вопросы

внешнеполитического влияния России в глобализирующемся мире. Именно внешние угрозы в последние годы задают модель описания и определяют акторов социокультурных вызовов и рисков. Их агенсами и пациенсами выступают государства, а не граждане или сообщества. Риторика национальной безопасности отодвигает на задний план корпоративные интересы (принципиально важные, например, для историографического дискурса [4]) и полифонию авторских голосов, важную для художественной литературы, публицистики и медиа.

Тезаурус социокультурных угроз обозначенного периода только начинает привлекать внимание исследователей, которые в основном делают акцент на цели и механизмы реализации государственной политики России и лишь косвенно затрагивают изменения языка их описания в 90-е годы XX в. – 2000-е годы [6–8]. Это особенно важно при демаркации угроз, рисков и вызовов. Безусловно, тактические задачи и специфика ситуации влияют на изменения экономических установок или внешнеполитических связей, но нас интересует тезаурус как единый комплекс, в рамках которого угрозы часто не дифференцируются. Основные его элементы можно классифицировать, используя методику тематизации О.Ю. Малиновой – известнейшего специалиста по символической политике и политической идентичности в России [9; 10].

Отметим, что в официальных документах макрополитическая идентичность проявляется в абсолютном преобладании государственных акторов и интересов при обозначении рисков, вызовов и угроз. Права и интересы граждан, общественных организаций или субъектов Федерации упоминаются лишь в преамбуле и заключении документов, но не играют серьезной роли в основном их содержании. Например, в Концепции внешней политики 2016 г. речь идет о необходимости «противодействовать попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств» (КВП, 2016). Агенсами и контрагенсами угроз выступают именно государства. В целом все виды угроз, начиная от терроризма и заканчивая деформациями духовно-нравственных ценностей, оказываются неразрывно связанными именно с национальной безопасностью государства, а общественные институты (учреждения образования, культуры, музеи и т. д.) выступают лишь проводниками/исполнителями намеченной общегосударственной стратегии.

Можно выделить три условных периода при анализе особенностей языка описания угроз:

1. В 90-е годы XX в. на первом месте стоят экономические проблемы, рост преступности, отток технических специалистов и технологическое отставание России. Даже сепаратизм объясняется именно экономическими факторами: «Негативные процессы в экономике лежат в основе сепаратистских устремлений ряда субъектов Российской Федерации. Обеспечение национальной безопасности и защита интересов России в экономической сфере являются приоритетными направлениями политики государства» (КНБ, 1997). Преодоление этих угроз предполагается в основном через действия в правовом поле («восстановление законности») и преодоление экономического кризиса.

2. В 2000-е годы на передний план выходят «энергетическая безопасность», борьба за ресурсы и информационные технологии (СНБ, 2009). Пиком роста

неолиберальной риторики заботы о «человеческом капитале» и «инвестициях в человека» (инициатором которых должно быть именно государство) становятся 2009–2013 гг. Одновременно исчезают связанные с национальными разногласиями термины, присутствовавшие в официальных документах 90-х годов XX в. – «этноэгоизм», «этноцентризм» и «шовинизм». Национализм упоминается значительно реже: два раза против 17 в «Стратегиях национальной безопасности» 2009 и 1997 гг. соответственно.

3. После 2014 г. гораздо чаще, чем раньше, упоминаются проблемы коррупции, «деятельность иностранных разведок» и «интересы русскоязычного населения за рубежом»; преступность рассматривается как «транснациональная». Преодоление этих угроз предполагается через укрепление позиций России на международной арене и централизацию контроля за «попытками вмешательства во внутренние дела государства» (КВП, 2016). А терроризм, который в 90-е годы XX в. рассматривался как одно из проявлений преступности, становится теперь «симптомом» глобализации; радикализм и экстремизм связываются с «цветными революциями» и внешним вмешательством. «Одной из наиболее опасных реалий современного мира становится усиление угрозы международного терроризма. Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке), обусловленные как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством (курсив наш. – О.В., Ф.Н), в совокупности привели к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов. Навязываемые извне идеологические ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности» (КВП, 2016).

Еще одним вектором изменения политического языка официальных документов конца 90-х годов XX в. – начала 2000-х годов становится растущее внимание к исторической политике. При этом в 90-е годы важно было скорее противопоставление новой России СССР, тогда как в 2000-е больше подчеркивается преемственность их геополитических интересов и международных обязательств, а период 90-х годов прошлого века репрезентируется как кризис или выпадение из общей линии национального развития. Одновременно меняется и отношение к «фальсификациям истории», которые в 2000-е годы сначала упоминаются как одно из проявлений борьбы за информационный рынок, а с 2014 г. становятся объектом целенаправленных обвинений стран Запада в попытках пересмотра итогов Второй мировой войны: «[Необходимо] твердо противодействовать любым проявлениям экстремизма, неонацизма, расовой дискриминации, агрессивного национализма, антисемитизма и ксенофобии, попыткам фальсификации истории и использования ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны, способствовать деполитизации исторических дискуссий» (КВП, 2016).

Безусловно, эти изменения необходимо рассматривать в более широком контексте трансформации символической политики и внешнеполитических приоритетов [11; 12]. Отметим также, что преодоление социокультурных угроз

предполагается на уровнях предупреждения (профилактики), противодействия и ликвидации их последствий. Первый из них предполагает прогнозирование, анализ и оценку угроз, стратегическое обеспечение безопасности. Подчеркивается комплексный характер мер (экономических, технических, информационных и социально-политических) по предотвращению кризисов. В их центре оказывается «укрепление внутреннего единства российского общества, обеспечение социальной стабильности» (СНБ, 2015). Противодействие включает сбор упреждающей информации, подготовку преодоления и структурную работу с проблемой. Ликвидация последствий предполагает минимизацию потерь, реабилитацию пострадавших; восстановление экономического, технического и социального ущерба, а также возмещение ущерба.

Таким образом, различия языка описания социокультурных угроз в официальных документах 90-х годов XX в., периода с 2000 по 2013 г. и после 2014 г. представляются достаточно показательными. Они вызваны изменениями макрополитической ситуации (сменой президентов, украинским кризисом 2014 г.), но демонстрируют и внутреннюю преемственность своей логики, единство тезауруса и приоритет государства как политического актора. Основным трендом периода конца 90-х годов XX в. – начала 2000-х годов становится рост внешних угроз и деполитизация внутренних вызовов, которые маркируются как принадлежащие экономической или правовой сфере. Для сравнения: в либеральном историографическом дискурсе преобладает противоположная тенденция – внешние угрозы рассматриваются как производные от внутривнутриполитических разногласий, акторами которых выступают политические партии, социальные группы или даже отдельные личности [4].

В результате проведенного анализа напрашивается вывод о цикличности чередования внутренних и внешних угроз в официальном дискурсе имперского, советского и постсоветского периодов. Устойчивым трендом следует признать и сохраняющийся приоритет внутри- и внешнегосударственных угроз над личностными, признание государства ключевым историческим агенсом. Его мощная интегрирующая и оборонительная, цивилизаторская и модернизирующая роль противостоит множеству центробежных факторов, что способствует сохранению жесткого этатизма и определенной маргинализации на государственном уровне так называемых мягких социокультурных угроз. На первом месте на протяжении всех трех периодов находится угроза национальной безопасности и территориальной целостности; за ней следует и с ней тесно связана угроза отставания от Запада (вызов развития); третье место в этом списке занимает угроза социального и социокультурного раскола. Однако если рассматривать угрозы в контексте их преломления в социокультурной сфере и прежде всего в сознании человека [1], то возникает определенная трудность в разведении «мягких» и «жестких» угроз. Можно также предположить, что каждая из них по-своему трансформируется во внутреннем мире людей, относящихся к разным социальным слоям и стратам общества, что требует дальнейших исследований данной темы на примере других видов дискурса.

Источники

- Высочайший Манифест – Высочайший Манифест о роспуске II Государственной Думы // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – СПб.: Гос. тип., 1910. – Т. 27. – С. 319–320. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10030/#page/320/mode/1up>, свободный.
- Манифест, 1905 – Манифест 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. 25. – С. 754–755. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3139/10026/>, свободный.
- Чичерин, 1906 – *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. – СПб.: Т-во печ. станка, 1906. – 34 с. – URL: <https://b-ok.org/book/2896507/f7a803>, свободный.
- Хрущев, 1961 – *Хрущев Н.С.* О программе коммунистической партии Советского Союза. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева 18 октября 1961 года. – М.: Госполитиздат, 1961. – 142 с. – URL: <http://www.history.ru.com/doc/persons/xr/docorg/doc10c.html>, свободный.
- Брежнев, 1966 – *Брежнев Л.И.* Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза 29 марта 1966 года // Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи: в 9 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1973. – Т. 1. – С. 266–370. – URL: <http://brezhnev.su/1>, свободный.
- Брежнев, 1971 – *Брежнев Л.И.* Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971 года // Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи: в 9 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1973. – Т. 3. – С. 194–314. – URL: <http://brezhnev.su/3>, свободный.
- Горбачев, 1989 – *Горбачев М.С.* О национальной политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева 19 сентября 1989 года // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сент. 1989 г. – М.: Политиздат, 1989. – С. 13–43. – URL: <http://www.uaio.ru/5/85/pl890919.htm#pnc14>, свободный.
- КНБ, 1997 – Указ Президента РФ от 17 дек. 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, свободный.
- СНБ, 2009 – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424>, свободный.
- СНБ, 2015 – Указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности России». – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424>, свободный.
- КВП, 2016 – Указ Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?marker=6560Ю>, свободный.

Литература

1. *Чубарьян А.О., Заботкина В.И., Шкаренков П.П., Воробьева О.В., Позднякова Е.М.* Тезаурусный подход в изучении социокультурных угроз в исторической динамике (теория, метод, визуальная репрезентация) // Электрон. науч.-образов. журн. «История». – 2019. – № 10. – URL: <https://history.jes.su/s207987840008093-1-1/>, свободный. – doi: 10.18254/S207987840008093-1.
2. *Лоренц К.* Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // Логос. – 2021. – № 4. – С. 31–64.
3. *Ретина Л.П.* Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического знания // Диалог со временем. – 2018. – № 65. – С. 48–58.

4. *Воровьева О.В., Мордвинов А.А.* Дискуссии об исторической памяти и угрозы для культурной идентичности // Электрон. науч.-образов. журн. «История». – 2019. – № 5. – URL: <https://history.jes.su/s207987840006120-1-1/>, свободный. – doi: 10.18254/S207987840006120-1.
5. *Fillmore C.J.* Types of lexical information // *Semantics* / Ed. by D. Steinberg, L. Jacobovits. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. – P. 370–392.
6. *Бруз В.В.* Историография исследования проблем безопасности // *Военная мысль*. – 2004. – № 6. – С. 37–44.
7. *Кардашова И.Б.* О проблемах развития теории национальной безопасности // *Науч. обозр. Сер. 1: Экономика и право*. – 2019. – № 1–2. – С. 28–38. – doi: 10.26653/2076-4650-2019-1-2-03.
8. *Штруба Е.В.* Историография, источники и методология изучения государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2011. – № 1–2. – С. 20–51.
9. *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. – М.: РОССПЭН, 2013. – 421 с.
10. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
11. *Малинова О.Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 6. – С. 136–158.
12. *Смирнова А.Г.* Механизмы конструирования политическими лидерами внешней угрозы в межгосударственных отношениях. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 420 с.

Поступила в редакцию
10.11.2021

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания

Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр., д. 32а, г. Москва, 119334, Россия
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, д. 6., г. Москва, 125047, Россия
E-mail: vorobushekl@yandex.ru

Николай Федор Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания; профессор кафедры всеобщей истории

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, д. 6., г. Москва, 125047, Россия
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)
ул. Ульянова, д. 1, г. Нижний Новгород, 603002, Россия
E-mail: fynik@list.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 86–99

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.86-99

**Sociocultural Threats in the State Discourse
of Imperial, Soviet, and Post-Soviet Russia: Strategies of Representation**

O.V. Vorobieva^{a,b*}, F.V. Nikolai^{b,c**}

^a*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334 Russia*

^b*Russian State University for the Humanities, Moscow, 125047 Russia*

^c*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, 603002 Russia*

E-mail: * vorobushek1@yandex.ru, ** fvnik@list.ru

Received November 10, 2021

Abstract

This article provides a comparative analysis of ideas about sociocultural threats in the official state documents dating back to the Imperial, Soviet, and post-Soviet periods of Russian history. The rhetorical construction of threats as part of the security discourse was considered. It was proved that the concept of threat is structured by the appropriate frame and includes figures of the bearer of the threat (agent), the object of the threat (patient), and a certain vision of the strategy of countering the threat (counteragent). The conclusion was made about the cyclical alternation of internal and external threats in the social and political thought of Russia. The priority of internal and external state threats over personal ones, the recognition of the state as a key historical agent was a stable trend of the Soviet and post-Soviet periods. In the first place throughout all the three periods was the threat to national security and territorial integrity, which is closely linked with the threat of lagging behind the West. The third place on this list was occupied by the threat of social and sociocultural split. The differences in the rhetoric of each period can be attributed to the changes in the macro-political situation. However, the general continuity of the structure of representation of threats, the unity of the thesaurus, and the priority of the state as a political actor remained with minimal changes.

Keywords: sociocultural threats, sociopolitical thought, security discourse, strategies for mobilizing public opinion, public sphere

References

1. Chubaryan A.O., Zabolotkina V.I., Shkarenkov P.P., Vorobieva O.V., Pozdnyakova E.M. Thesaurus approach to the study of socio-cultural threats in historical dynamics. *Istoriya*, 2019, no. 10. Available at: <https://history.jes.su/s207987840008093-1-1/>. doi: 10.18254/S207987840008093-1. (In Russian)
2. Lorenz C. Out of time? Some critical reflections on François Hartog's presentism. *Logos*, 2021, no. 4, pp. 31–64. (In Russian)
3. Repina L.P. Effects of “incomprehensible acceleration”, or phenomenon of presentism in the history of historical consciousness. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 65, pp. 48–58. (In Russian)
4. Vorobieva O.V., Mordvinov A.A. Discussions on historical memory and threats to cultural identity. *Istoriya*, 2019, no. 5. Available at: <https://history.jes.su/s207987840006120-1-1/>. doi: 10.18254/S207987840006120-1. (In Russian)
5. Fillmore C.J. Types of lexical information. In: Steinberg D., Jacobovits L. (Eds.) *Semantics*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1971, pp. 370–392.
6. Bruz V.V. Historiography of security studies. *Voennaya Mysl'*, 2004, no. 6, pp. 37–44. (In Russian)

7. Kardashova I.B. On problems in the development of the theory of national security. *Nauchnoe Obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i Pravo*, 2019, nos. 1–2, pp. 28–38. doi: 10.26653/2076-4650-2019-1-2-03. (In Russian)
8. Shtruba E.V. Historiography, sources, and methodology of studying the state policy in ensuring the national security of the Russian Federation. *Istoricheskaya i Sotsial'no-Obrazovatel'naya Mysl'*, 2011, nos. 1–2, pp. 20–51. (In Russian)
9. Malinova O.Yu. *Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [Meaning Construction: A Study of Symbolic Politics in Contemporary Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2013. 421 p. (In Russian)
10. Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 2010, no. 2, pp. 90–105. (In Russian)
11. Malinova O.Yu. The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: From the 1990s to the 2000s. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, 2016, no. 6, pp. 136–158. (In Russian)
12. Smirnova A.G. *Mekhanizmy konstruirovaniya politicheskimi liderami vneshnei ugrozy v mezhgosudarstvennykh otosheniyyakh* [Mechanisms for Putting Interstate Relations under External Threat by Political Leaders]. Yaroslavl, YarGU, 2016. 420 p. (In Russian)

Для цитирования: Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Социокультурные угрозы в государственном дискурсе имперской, советской и постсоветской России: стратегии репрезентации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 86–99. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.86-99.

For citation: Vorobieva O.V., Nikolai F.V. Sociocultural threats in the state discourse of Imperial, Soviet and post-Soviet Russia: Strategies of representation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 86–99. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.86-99. (In Russian)